

Советское государство и общество в период позднего сталинизма 1945–1953 гг.

Татьяна Леонтьева

Soviet state and society in the late Stalinist period, 1945–1953

Tatiana Leontieva (Tver' State University, Russia)

4–6 декабря 2014 г. в Твери состоялась VII международная научная конференция из цикла «История сталинизма», организованная Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (председатель М.А. Федотов), Российским государственным архивом социально-политической истории (директор А.К. Сорокин), Государственным архивом Российской Федерации (директор С.В. Мироненко), «Президентским центром Б.Н. Ельцина» (А.А. Дроздов), Международным историко-просветительским, благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал» (председатель А.Б. Рогинский), Тверским государственным университетом (ректор А.В. Белоцерковский) и издательством РОССПЭН. К прослушиванию отобрали 76 докладов историков, социологов, филологов и политологов из России, Австралии, Армении, Белоруссии, Германии, Италии, Казахстана, Киргизии, Литвы, США, Украины и Франции.

После приветственных слов заместителя председателя городской думы Твери *В.Д. Рыбачука* было зачитано обращение к участникам конференции советника Президента России *М.А. Федотова*. Он особо отметил, что проведение международного форума, посвящённого столь сложному периоду отечественной истории, в условиях, когда «стереотипы тоталитарного мышления и по сей день сохраняют необыкновенную живучесть, проявляясь в социальной практике и общественном сознании..., демонстрирует всему миру открытость российского общества и государства и готовность к анализу этих страниц исторического прошлого».

В открывшем пленарное заседание докладе *Т.Г. Леонтьевой* (Тверь) подчёркивалось, что период 1945–1953 гг. стоит рассматривать не только в диктаторско-репрессивном дискурсе, но и в социально-патерналистском. Факт, что феномен эпохи позднего сталинизма нельзя исследовать изолированно от психологии советских людей, подтвердили выступления *Д. Бранденбергера* (Ричмонд) и *О.Л. Лейбовича* (Пермь). Взглядам на сталинизм «извне» посвятил доклад *Е.В. Кодин* (Смоленск), показав, как некоторые выходцы из СССР отстаивали беспартийный статус научного знания. *А.Т. Бикбов* (Москва) осветил проблему внутренней противоречивости развития общественной мысли, а также подспудного вызревания «беспартийного» научного знания в 1943–1953 гг.; *Ш. Фитцпатрик* (Сидней), основываясь на результатах своего исследования, пришла к выводу, что в 1952–1953 гг. сталинизм содержал элементы саморазрушения.

На конференции работали семь секций. Первую из них «Послевоенное поколение. Повседневность и массовые настроения» (руководитель О.Л. Лейбович) открыло выступление *Ж.У. Кыдыралиной* (Астана). Тему восприятия сталинизма на региональном уровне затронули *Н.Д. Васильева* (Якутск) – на примере этнокультурных традиций народов советской Арктики – и *Г.Н. Яковлева* (Витебск), проанализировавшая общественное мнение в БССР во второй половине 1940-х гг. Многообразие адаптационных практик, использовавшихся в рассматриваемый период лояльными советскими людьми, представила *А.С. Кимерлинг* (Пермь), о навязывании новых ценностей в послевоенной Литве сообщили *Р. Лаукайтис* и *Р. Чепайтене* (Вильнюс). Проблема воздействия на общественное настроение материальных трудностей 1946–1955 гг. была отражена в выступлениях *В.Н. Круглова* (Москва), *О.Ю. Никоновой* (Челябинск) и *В.Л. Пянкевича* (Санкт-Петербург).

Идею о том, что реальная стратификация позднесталинского социализма оказалась далёкой от идеала, подтвердили доклады о повседневной культуре индустриального уральского города (*О.В. Лысенко*, Пермь); стратегии выживания в переселенческих колхозах Калининградской обл. (*Ю.В. Костяшов*, Калининград); положении дел в хозяйстве Рязанской обл. (*А.С. Соколов*, Рязань) и о «жизненном мире» советского рабочего (*А.Н. Кабацков*, Пермь). Продолжили тему, приведя примеры из жизни людей старшего поколения, *А.Р. Клоц* и *М.В. Ромашова* (Пермь). *Е.Н. Савенко* (Новосибирск) уделила особое внимание проблеме пополнения источниковой базы. Сообщение *Н. Муан* (Париж) о сложившейся в те годы судьбе нескольких свидетелей Чрезвычайной государственной комиссии по исследованию злодеяний оккупантов вызвало дискуссию о степени достоверности *oral history*.

В ходе работы второй секции «Политика, контроль и советская номенклатура» (*Е.В. Козин*) обсуждались доклады, посвящённые роли *А.А. Жданова* в проведении в 1940-е гг. реформы аппарата ЦК ВКП(б) (*М.В. Зеленов*, Москва); деятельности Бюро Президиума ЦК КПСС в октябре 1952 – марте 1953 г. (*Н.Ю. Пивоваров*, Москва); системе взаимоотношений партийной номенклатуры центра и регионов в период «позднего сталинизма» (*А.Б. Коновалов*, Кемерово); произошедшей тогда же номенклатурной революции в Пензенском обкоме ВКП(б) (*В.В. Кондрашин*, Пенза); «фронтовикам и школьникам» в послевоенных университетах (*Н.А. Митрохин*, Бремен); советским чиновникам и системе «партийно-государственного правосудия» (*О.Н. Калинина*, Новосибирск). *А.А. Фокин* (Челябинск) проанализировал особенности сталинского законодательства в контексте базы электорального процесса, *А.К. Байбурун* (Санкт-Петербург) охарактеризовал условия функционирования паспортной системы. На примере работы советских дипломатов и разведчиков за границей в 1945–1953 гг. (*А.Г. Тепляков*, Новосибирск), а также «дела врачей» (*Г.В. Костырченко*, Москва) и «хулиганов в погонах» – местных милиционеров (*В.В. Шабалин*, Пермь) – была проиллюстрирована усиливавшаяся деградация режима.

На заседании третьей секции «Идеология и культура. Взаимодействие и разделение» (*В.В. Журавлёв*) возникли довольно острые дискуссии по поводу сохранявшегося в те годы диктата идеологии над исторической наукой и воздействия на учёных образов, созданных в произведениях литературы и искусства. Доклады были посвящены идеологическим кампаниям позднего сталинизма (*В.В. Тихонов*, Москва); описанию процесса воздействия державно-националистических тенденций на работу советских археологов (*А.А. Чибур*, Брянск); образу Донбасса, сформированному послевоенным кинематографом (*Е.Ю. Титаренко*, Донецк). Выступавшие проанализировали факторы, оказавшие влияние на создание сталинского труда «Экономические проблемы социализма в СССР» (*В.В. Журавлёв*); предпосылки появления советского «школьного кино» (*В.Ю. Михайлин*, Саратов); особенности практики политической и профессиональной социализации школьных учителей (*А.В. Чащухин*, Пермь); христианские мотивы в «позднесталинской культуре» (*А. Берелович*, Париж). Также затрагивались конкретные сюжеты: искоренение в Калининградской обл. после войны «раболопия перед всем немецким» (*В.Н. Маслов*, Калининград), перипетии идеологемы «добровольного присоединения к России» в историческом кавказоведении (*Д.Я. Рахеев*, Москва), версии причин спада выпуска полнометражных фильмов (*Д.Н. Ряпусова*, Екатеринбург), «теневая экономика» искусства соцреализма в социально-политическом контексте позднего сталинизма (*Г.А. Янковская*, Пермь).

Участники четвёртой секции «Мобилизационная экономическая модель, восстановление и стимулы развития» (*В.А. Ильиных*) обсуждали вопросы неэффективности экономики тех лет: особенности развития сталинской модели в 1945–1953 гг. – на материалах Европейского Севера (*М.Н. Супрун*, Архангельск); распределение доходов колхозов как важнейший фактор условий жизни крестьянства в 1940-е гг. – на примере Восточной Сибири (*А.В. Шалак*, Иркутск); личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в рассматриваемый период (*В.А. Ильиных*, Новосибирск); послевоенный ГУЛАГ на «великих стройках коммунизма» в Поволжье, 1948–1953 гг. (*А.В. За-*

харченко, Самара); послевоенные займы (Т.Б. Бердникова, Белгород); Международное экономическое совещание, проходившее в Москве 3–12 апреля 1952 г. (Л.Н. Лазарева, Москва).

Во время работы пятой секции «Конфессии и конфессиональная политика» (Т.Г. Леонтьева) возникла острая полемика по поводу оценки роли бюрократии в деятельности государства по отношению к религиозным организациям и верующим. Доклад на эту тему, представленный М.И. Одинцовым (Москва), вызвал возражения некоторых участников заседания, посчитавших, что автор несколько преувеличил благожелательность официальных властей к «церковному ренессансу». В частности И.А. Курляндский (Москва) привёл факты, указавшие на весьма незначительное число удовлетворённых ходатайств об открытии новых храмов, причём количество отказов неуклонно увеличивалось. Это подтвердил А.Ф. Степанов (Казань), основываясь на материалах Казанской епархии. Е.В. Носова (Бишкек) доказала прямую зависимость между проводившимися в то время в Киргизской ССР репрессиями и складывавшимися в республике в последующий период государственно-конфессиональными отношениями. П.М. Полян (Москва), сообщив о выявлении новых материалов, связанных с конфессиональными депортациями, обратил особое внимание не только на рост числа высланных сектантов, но и на появление среди них пацифистских сообществ, предпочитавших летальный исход любым контактам с официальными властями.

Рассматривались также проблемы, касающиеся начавшегося в стране процесса оживления обновленчества (В.В. Лобанов, Москва); особенностей этнорелигиозного состава населения – на примере Молотовской обл. (А.Л. Глушаев, Пермь); деятельности органов госбезопасности на освобождённой от врага территории Украины в 1943–1946 гг. (Д.В. Веденеев, Киев). Теме формирования конфессионального пространства в послевоенный период были посвящены сообщения о негативном отношении к католикам, униатам и сектантам (А.С. Кочетова, Москва); повседневной жизни евангельских (протестантских) верующих в условиях холодной войны (Н.А. Белякова, Москва); деятельности баптистов и пятидесятников (В.П. Ключева, Тюмень). В последовавших затем дебатах В.П. Булдаков (Москва) обратил внимание исследователей на необходимость критической оценки используемых ими источников, зачастую перенасыщенных эмоциями верующих, и призвал коллег не воспроизводить буквально малочисленные официальные документы, а научиться читать их «между строк».

В шестой секции «Репрессии. Цели и механизмы» (А.Б. Рогинский) обсуждались вопросы, связанные с преемственностью методов советской репрессивной политики 1930-х и 1950-х гг. (С.И. Быкова, Екатеринбург); её усилением в ходе развёртывания холодной войны (В.Н. Хаустов, Москва); с социальным напряжением, конфликтами и обострением репрессий в послевоенные годы (М. Феретти, Витербо); идеологическими и репрессивными кампаниями в Киргизии в середине XX в. (Ш.Д. Батырбаева, Бишкек). Практике принудительного лечения, распространившейся в период позднего сталинизма, посвятил доклад А.А. Макаров (Москва), феномену «вредительства» в послевоенной репрессивной политике на примере красноярского «дела геологов» – С.А. Красильников (Новосибирск). В ходе дальнейших дискуссий рассматривались такие проблемы, как устаревшая терминология (историки ничего не предложили взамен понятий «вредитель», «кулак» и т.п.); системное освещение политики репрессий; феномен принудительного лечения и др.

Темами докладов, заслушанных в седьмой секции «Социальные аспекты ссылки и плена» (А.А. Дроздов), стали повседневная жизнь и ценностные ориентации депортированных народов Северного Кавказа в условиях спецпоселений в 1940–1950 гг. (С.И. Аккиева, Нальчик); этнокультурная интеграция – на примере кавказских народов, высланных в Киргизию (Л.Н. Дьяченко, Москва); послевоенная депортация греков с Украины в Казахстан (Е.В. Чиликова, Алматы); прокурорский надзор над системой спецпоселений в 1945–1960 гг. (А.С. Иванов, Сургут). В ходе дискуссий было высказано пожелание: освещая данную проблематику, стремиться к более широкому исполь-

зованию информации, полученной непосредственно от свидетелей насильственных миграций.

В связи с выступлениями *Н.В. Веселковой* (Екатеринбург), обратившей внимание на эмоциональную составляющую поведения советских немцев-трудармейцев, и *Э.-Б.М. Гучиновой* (Ереван), проанализировавшей особенности восприятия лагерной жизни японскими военнопленными, присутствовавшие признали необходимым при изучении различных сторон позднего сталинизма более активно привлекать нетрадиционные источники и культурологические наработки.

При подведении итогов конференции выступающие подчеркнули значимость дальнейших исследований разных аспектов жизни советского общества и государства 1945–1953 гг., отметили многообразие тематики, возросший теоретический уровень представленных докладов, оживлённость проходивших в секционном формате прений. По итогам научного форума будет выпущен сборник статей.